

„Медвѣдевскіе дни“.

Петербург. 29. 1903.

(Послѣ обѣда у Контана).

Что тутъ происходило!

Я увѣренъ, что если-бы назначить за входъ 25 р. съ персоны, желающихъ взять билеты нашлась-бы масса.

Это былъ въ полномъ смыслѣ слова «спектакль монстръ», въ которомъ принимали участіе г-жи Савина, Селиванова, авторша «Злой силы», г-жа Майская, гг. Л. Г. Яковлевъ, писатель Вл. Тихоновъ, почтенный юбиляръ П. М. Медвѣдевъ, братья Адельгеймы, В. П. Далматовъ, г. Каширинъ, Ю. В. Корвинъ-Круковский и др.

Больше всѣхъ веселился и веселилъ общество Л. Г. Яковлевъ.

Началось съ того, что Яковлевъ сѣлъ за рояль и запѣлъ вьялцевскій романсъ «Подѣлуемъ дай забвенье».

Къ нему подсѣли г-жи Селиванова и Майская, и образовалось цѣлое цыганское «тріо».

За Селивановой неожиданно открылся талантъ цыганской пѣвицы.

Самые тревожительные цыганоманы удовлетворились-бы ея пѣніемъ, и быть можетъ Вьялцева обрѣла въ лицѣ александринской актрисы серьезную конкурентку.

Но цыганское пѣніе вскорѣ уступило мѣсто шансонеткѣ.

У рояля появились братья Адельгеймы..

Взявъ въ руку два бокала, Робертъ Адельгеймъ запѣлъ, подѣ аккомпаниментъ своего брата Рафаила, французскую шансонетку.

— Господа,—заявляетъ вдругъ Л. Г. Яковлевъ... Такъ нельзя... Я долженъ во что бы то ни стало поддержать престижъ русской оперы... Я тоже спою.

— Маленькое предупрежденіе, — счелъ онъ долгомъ присовокупить. — Я пою только изъ Вагнера... Другого репертуара теперь не существуетъ.

Яковлевъ запѣлъ, и всѣ переглянулись... Яковлевскій Вагнеръ оказался чистѣйшимъ... Оффенбахомъ.

Онъ пѣлъ изъ «Периколлы».

Оказалось, что В. С. Лихачевъ на оффенбаховскую музыку написалъ стихи, посвященные театральному обществу. Ихъ и запѣлъ г. Яковлевъ. Это была остроумная пародія, заканчивающаяся словами:

Онъ подростетъ,

Онъ подростетъ,

Союзъ нашъ театальный...

Въ финальномъ куплетѣ г. Яковлеву подтягивали хоромъ: г-жа Савина, гг. Молчановъ, Медвѣдевъ, Лихачевъ, Быховскій, Селиванова, Майская, Юрьевъ, Корвинъ-Круковский и др.

Веселое настроеніе все усиливалось, поддерживаемое въ особенности г. Яковлевымъ, который буквально ни секунды не сидѣлъ на мѣстѣ.

— Господа! Общій кэкъ-уокъ!—предложилъ онъ.

Это предложеніе вызвало взрывъ аплодисментовъ.

Стали убирать столы и стулья, чтобы очистить мѣсто, но желающихъ «кэкъуокировать» что-то не находилось.

— Марья Гавриловна, — потребовалъ г. Яковлевъ,—вы обязательно должны станцевать со мной «кэкъ-уокъ».—Господа, просите Марью Гавриловну танцевать «кэкъ-уокъ»!

Но Марья Гавриловна спряталась куда-то въ уголъ.

— Да что вы, господа!.. Да оставьте вы меня съ вашимъ «кэкъ-уокомъ»! И съ чего только вы взяли, что я умѣю его танцевать?

Но уговорить Марью Гавриловну «кэкъуокировать» такъ и не удалось.

— Тогда давайте съ вами,—обратился г. Яковлевъ къ Селивановой и, взявъ ее за руку, вышелъ на середину комнаты.

Яковлевъ и Селиванова оказались прекрасными «кэкъ-уокистами»...

Но еще уморительнѣе было, когда попробовалъ «кэкъ-уокировать» В. П. Далматовъ, имѣя своимъ партнеромъ Вл. Тихонова.

Нельзя было не хохотать, глядя на тучную фигуру Василя Пантелеймоновича, силившагося изгибаться на всѣ лады, и на тѣ выкрутасы, которые онъ дѣлалъ руками и ногами.

— «Русскую»!—закричалъ кто то.—Петръ Михайловичъ, тряхните-ка стариной!

«Виновникъ торжества» не заставилъ себя долго просить и вышелъ на середину комнаты.

Это былъ едва-ли не самый интересный «номеръ» импровизированнаго спектакля.

Бѣлый, какъ лунь, старикъ тряхнулъ какъ-то молодцовато плечами, сдѣлалъ вступительный пируэтъ и пошелъ, пошелъ кружиться подъ плавную музыку плясовой.

Партнерша его, г-жа Майская, едва успѣвала отъ него ускользать, такъ лихо и молодо старикъ ее преслѣдовалъ...

Громовое «ура» раздалось, когда пляска окончилась, и всѣ бросились цѣловать Петра Михайловича.

Этимъ «номеромъ» собственно и окончилось «представленіе».

Всѣ устали, было жарко и поздно. Понеможку веселое общество начало рѣдѣть. Одни потихоньку уѣхали домой, другіе—въ «Аквариумъ», третьи, почувствовавъ аппетитъ, разбились на группы и пошли въ общую залу ужинать.

Этотъ вечеръ, вѣроятно, надолго останется въ памяти каждаго изъ бывшихъ на немъ, а въ особенности П. М. Медвѣдева.

Справедливо замѣтилъ А. Е. Молчановъ, что «медвѣдевскій» юбилей слѣдуетъ назвать не «страницей русскаго театра», какъ сказано было кѣмъ-то, а цѣлымъ «томомъ».

Театраль.